

Вадим КОЖИНОВ

«Из чьей руки?..»

В ОТ УЖЕ более полутора столетий мы ежегодно скорбно поминаем 29 января (10 февраля по нозому стилю) — день великой и жестокой утраты. Тютчев сказал в своем стихотворении «29-е января 1837»:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Всегда храня в душе эти слова, мы почти не вдумываемся в первые строки, начальный «вопрос» тютчевского реквиема:

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал!

А ведь вопрос по меньшей мере странный: разве не общеизвестно, что это была «рука» Жоржа Дантеса?

Но Тютчев был уже тогда тесно связан с тем другом Пушкина, который, по мнению сегодняшних исследователей, лучше, чем кто-либо, знал историю гибели поэта. — Петром Вяземским. В день отпевания Пушкина Вяземский писал: «Многое осталось в этом деле темным и таинственным». Однако и через десять лет, в 1847 году, Вяземский сказал с печатю: «Не настала еще пора... разоблачить тайны, окружающие несчастный конец Пушкина».

Приходится признать, что это заключение справедливо и донныне. Миллионы людей, благоговейно помнящих сегодня Пушкина, в той или иной мере представляя себе историю его гибели в неверном и по сути дела... принижающем образ поэта «освещении». Один из виднейших пушкинистов, более полувека изучавший жизнь и творчество поэта, Д. Д. Благой сокрушался, что в популярных сочинениях о Пушкине «национальная трагедия... превратилась в довольно-таки банальную семейную драму: муж, молодая красавица жена и разрушитель семейного очага, молодой красавец казалеград».

А между тем в истории последних месяцев жизни поэта был, пожалуй, только один день, который давал представление себе историю его гибели в таком «банальном» виде. 4 ноября 1836 года Пушкин и несколько его друзей получили так называемый «диплом», клеветнически объявлявший об измене его жены. А поскольку Дантес уже давно преследовал Наталию Николаевну своими ухаживаниями, Пушкин тут же — явно «сгорая» — послал ему вызов на дуэль. Однако, когда на следующее утро к поэту завязался на смерть перепуганный «приемный отец» Дантеса голландский посланник Геккерн Пушкин без всяких споров согласился отсрочить дуэль на сутки: на другой день Геккерн примчался снова «со слезами на глазах», дуэль была отсрочена уже на целых две недели, а затем, еще до истечения срока, 17 ноября, отменена совсем.

И причина была ясно не только и не просто в том, что Дантес, спасаясь от громкого скандала и смертельной угрозы, решился вступить в брак с сестрой Наталии Николаевны Екатериной. Это «разъяснение» прежде всего, так сказать, развязало руки Пушкину, да и ему возможность без какого-либо ущерба для его чести отказаться от своего собственного вызова. И, беря обратно этот вызов (17 ноября), поэт счел возможным признать и устно, и письменно, что Дантес вел себя как «благородный» и «честный» человек; позднее, в конце декабря, сообщая в письме к своему отцу о предстоящей свадьбе Дантеса, Пушкин назвал его «добрым малым».

И у нас нет никаких оснований считать эти суждения поэта вопиюще неискренними. Конечно же, Пушкин видел в Дантесе (и совершенно справедливо) зурядного и пошлого юнца. Но он не видел в нем некоего своего «рокового» врага. Дантес вообще был в глазах Пушкина только лишь жалкой марионеткой в руках Геккерна, которому поэт писал: «...всем поведением этого юнца руководили вы».

Стоит еще раз повторить, что, понимая гибель Пушкина как результат «рокового» столкновения с молодым красавчиком, мы недопустимо принижаем облик поэта. А между тем такого рода предствление настолько злословно в сознание многих людей, что они нередко буквально перестают видеть реальный ход событий: так, им кажется, что Пушкин позднее будто бы вызвал Дантеса на дуэль во второй раз: в то время как на деле утром 26 января он послал не вызов Дантесу, а крайне оскорбительное письмо Геккерну, который на этот раз побудил своего «приемного сына» вызвать Пушкина к барьеру.

И уже само это резкое различие ноябрьской (3 ноября Геккерн сделал все возможное, чтобы дуэль не состоялась) и январской ситуации до сих пор не нашло сколько-нибудь четкого объяснения.

Фигура Дантеса, «линия» Дантеса, в сущности, заслонила и продолжала заслонять глубокую истинную суть трагедии.

В принципе давно уже общепризнано, что клеветнический «диплом», являющийся исходным пунктом трагического развития событий, имел в виду отнюдь не Дантеса, но императора Николая I: ведь «диплом» объявлялось, что Пушкин избран «коадьютором», то есть заместителем, Д. Нарышкина (кстати, хорошо знакомого

поэту), жена которого была известна всем как любовница предшествовавшего императора Александра I, щедро одаривавшего мужа за «услуги» жены.

Пушкин ясно и резко выразил свое отношение к «диплomu» уже 6 ноября, когда письменно потребовал от министра финансов Канкрин принять в казну в качестве уплаты долга императору свое имение Кистенев (поэту была предоставлена Николаем I на литературные дела огромная по тем временам сумма — 45 тысяч рублей). Канкрин, конечно, отказался исполнить крайне дерзкое требование, но самим этим требованием поэт все же со всей решительностью высказал свое понимание дела и свою волю.

По свидетельству близкого к то время (особенно в ноябре) к поэту В. Соллогуба, именно клевета об отношениях Наталии Николаевны и царя делает понятным, «почему Пушкин искал смерти и бросился на всякого встречного и поперечного».

Дело в том, что клевета упала на как бы подготовленную почву. Пушкин еще в мае 1836 года, будучи в Москве, рассказывал своему самому задушевному другу

П. Нащокину о том, что царь, «как офицерушка, ухаживает» за Наталией Николаевной, и тогда же намекал на это в письме к ней (от 6 мая): «...ты кого-то дозвел до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц». Нет сомнения, что речь шла о царе.

Наконец сам Николай I, как известно, засвидетельствовал, что в последнем разговоре с ним, состоявшемся, очевидно, 23 января 1837 года, Пушкин дерзостно заявил: «Я... вас самих подозревал в ухаживании за моею женою».

Словом, история с Дантесом была своего рода «примесью» к гораздо, даже несоизмеримо более тяжелой для Пушкина «проблеме». В. В. Кунин справедливо говорит: «...в пасквиле содержался гнуснейший намек на то, что и камер-юнкерство, и суды, и звание «историкографа» — все это оплачено Пушкиным той же ценою, что и благодеяние Нарышкина. Большого оскорбления поэту нанести было невозможно».

Но две, в сущности, совершенно различные «линии» (Дантеса и царя) сплелись в глазах будущих исследователей в один клубок. Это было обусловлено, надо думать, прежде всего тем, что Пушкин — об этом подробно говорится во многих работах — убежденно считал изготовителем «диплома» Геккерна (хотя, о чем еще пойдет речь, отчетливо угадывал и стоящих за ним «вахонхителеев»). И чуть ли не все внимание тех, кто изучал историю гибели поэта, было направлено на Геккерна и его окружение (в частности, князей Гагарина и Долгорукова).

Вопрос о том, кто именно сфабриковал «диплом», остается и по сей день нерешенным («кандидатуры» одна за другой категорически отвергались). Между тем этот, казалось бы, «технический» вопрос важен, так как может дать в руки исследователей указующую нить.

Как мне представляется, необходимо обратить сугубое внимание на документ, который (хотя он опубликован в № 12 журнала «Нева» за 1976 год) почему-то не привлек внимания. Это письмо Г. В. Чичерина к П. Е. Щеголеву от 18 октября 1927 года.

Прежде чем перейти к существу письма, нельзя не сказать хотя бы коротко об его авторе, ибо и сам его судьба, и его познания обеспечили ему исключительные прямо-таки уникальные возможности для проникновения в тайну гибели Пушкина.

Георгий Васильевич Чичерин (1872—1936) вырос в истинно «дипломатической» семье. Его отец Василий Николаевич еще в 1849 году, всего через девять лет после гибели Пушкина, начал карьеру дипломата и, между прочим, как бы повторил путь Тютчева: служил сначала в Мюнхене, затем в Турине, позднее был близок к Горчакову. Что же касается матери Г. В. Чичерина, видимых дипломатами были ее дед, дядя и двоюродный брат.

С отроческих лет Г. В. Чичерин общался к дипломатическим преданиям,

документам, трудам. После окончания Петербургского университета он поступил на службу в архив Министерства иностранных дел, принял участие в создании очерка истории этого министерства, написал ряд исследований о русских дипломатах и т. п.

Наконец, как известно, в 1918—1930 годах Г. В. Чичерин был народным комиссаром иностранных дел СССР (до 1922 — РСФСР). Уместно еще добавить, что Чичерин — о чем особенно ярко свидетельствует его замечательная книга о Моцарте — был человеком высокой культуры.

И вот, прочитав в 1927 году в журнале «Огонек» сообщение (впоследствии полностью опровергнутое), согласно которому составителем пресловутого «диплома» был близкий к Геккерну князь Долгоруков, Чичерин в письме к Щеголеву с полной уверенностью заявил, что в действительности «диплом» написан Бруновым.

Ф. И. Брунов (или иначе Брунов, 1797—1875) родился в Саксонии (выходцем из Саксонии был, между прочим, и будущий патрон Брунова Нессельроде), с 1818 года состоял на русской дипломатической

службе, в 1823—1826 годах был чиновником особых поручений при графе Воронцове в Одессе, где, как это известно из воспоминаний Липранди, имел столкновение с Пушкиным, у которого вызвало отращение постоянно присутствовавшего Брунова пресмыкательство перед высшим начальством. В 1829—1839 годах Брунов служил ближайшим личным помощником министра иностранных дел Нессельроде, который затем предоставил своему любимцу самый престижный тогда пост посланника в Лондоне.

Г. В. Чичерин, который, как уже говорилось, великолепно знал историю и, так сказать, самый быт Министерства иностранных дел (и по семейным преданиям, и благодаря специальным разысканиям, и, наконец, в силу доступности ему любых архивных материалов), как бы восстановил в своем письме к Щеголеву сцену, в ходе коей графиня Нессельроде «заказала» Брунову составление «диплома». При этом Чичерин, знакомый с письмами Брунова, утверждал, что почерк последнего разительно похож на почерк лица, написавшего «диплом».

Между прочим, Г. В. Чичерин, считавший, что «диплом» был заказан Брунову графиней Нессельроде, едва ли мог знать фрагмент из воспоминаний князя А. М. Голицына, поведавшего о заявлении императора Александра II: «...теперь знают автора анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина: это Нессельроде».

«Автор» — это еще, понятно, не значит изготовитель «диплома» как такового. Сделал его, по-видимому, именно Брунов. Хотя не исключено, что Чичерин не прав относительно почерка: Брунов мог поручить кому-либо переписать «диплом». Важно, что именно он его составил. Сам Пушкин, о чем уже шла речь, считал, что «диплом» сфабриковал Геккерн. Но поэт видел, кто стоял за кулисами: чтобы убедиться в этом, необходимо отказаться от одной поистине странной ошибки.

Общезвестно написанное 21 ноября 1836 года Пушкиным по поводу «диплома» письмо к некоему «графу». В свое время Щеголев по всему смыслу и самому тону письма совершенно верно определил, что этим графом был Нессельроде. Но вскоре сам же Щеголев установил, что 23 ноября Николай I принял Пушкина и Бенкендорфа; исходя из этого, исследователь как бы вынужден был прийти к выводу, что письмо было направлено Бенкендорфу, который и устроил Пушкину прием у царя. Однако впоследствии стало точно известно, что поэт вообще не отправил указанное письмо. Тем не менее оно и поныне считается — вопреки всяческой логике — письмом к Бенкендорфу.

До нас дошло более пятидесяти пушкинских писем Бенкендорфу, но они выдержаны в совершенно ином тоне. Характерно, что Н. Эйдеман, рассуждая не так давно об этом письме, говорил о его «таинственности», «загадочности», о том, что оно «враждебно к адресату, содержит смелые

до дерзости выпады» (хотя Бенкендорф, понятно, никоим образом не был причастен к «диплomu»).

Все становится на место, если сделать единственно правильный вывод (как и поступил когда-то Щеголев): письмо обращено вовсе не к графу Бенкендорфу, но к графу Нессельроде. Тогда, в частности, обретает полную оправданность то качество письма, которое Н. Эйдеман справедливо определил как «особую инвективную тональность послания, рассчитанную, вероятно, на широкий круг читателей в случае распространения списков».

Словом, это письмо Пушкина предназначалось для разоблачения и сочинителя «диплома» и, так сказать, его заказчика; известно, что Пушкин носил свое письмо к Нессельроде в кармане сюртука, как бы ожидая удобного момента для его «предъявления».

Естественно встает вопрос о том, какую цель преследовали «заказчики». На этот вопрос убедительнее всего ответил Д. Д. Благой в своей уже цитированной выше итоговой работе «Погибельное счастье (Женитьба, дуэль, смерть)». В газетной статье невозможно охарактеризовать содержание этого достаточно обширного исследования. Для нас наиболее важно следующее: Д. Д. Благой основательно доказывает, что в последние годы жизни Пушкин начинает иметь все более значительное влияние на позиции царя в сфере культуры, а отчасти даже и политики. И было ясно, как показал Благой, что роль Пушкина в этом отношении может значительно увеличиться.

Это вызвало крайнее раздражение и даже опасение в кругу Нессельроде; «непримиримо» (по верному определению Благого) враждебном всей сути Пушкина как гражданина и мыслителя. И затем с «дипломом» имела, как пишет Благой, вполне определенную цель: «столкнуть» поэта с царем, «натравить» его на царя и тем самым предотвратить влияние Пушкина на ход государственных дел.

И есть все основания полагать, что с 6 ноября 1836 года (когда было отправлено вышеупомянутое письмо Канкрину) до 23 января 1837 года Пушкин терзался сомнениями по поводу «диплома». Но вечером, или, вернее, ночью с 23 на 24 января, на балу у Воронцовых-Дашковых состоялась беседа поэта с Николаем I (о которой последний рассказывал через много лет, упомянув, правда, только одно поразившее его пушкинское суждение: «Я... вас самих подозревал...»). Очевидно, что в ходе этого разговора Пушкин убедился в абсолютной несостоятельности клеветы. Через день, 26 января, он многозначительно сказал в письме к генералу Толло: «Как ни сильно предубеждение невежества, как ни жадно принимается клевета, но одно слово... навсегда их уничтожает. Гений с одного взгляда открывает истину, а истина сильнее царя, говорит священное писание». В тот же самый день, 26 января, Пушкин отправил свое беспощадное письмо Геккерну, которого, о чем уже шла речь, он считал изготовителем «диплома».

Для понимания ситуации весьма важна такая подробность: во второй половине января в Петербург приехала задушевная приятельница Пушкина — его соседка по селу Михайловскому Е. Н. Вревская. Она встречалась с поэтом 18 и 22 января, но тогда и речи не было о его предельно гневно возмущении против Геккерна. Между тем при их следующей встрече 25 января Пушкин прямо-таки испугал Вревскую своим крайним негодованием в адрес голландского посланника.

Вполне естественно сделать из этого вывод, что, всецело убедившись во время разговора с царем в абсолютно клеветническом характере «диплома», Пушкин уже не мог.

В заключение вернемся к тому, о чем уже шла речь: почему Геккерн, который в ноябре предпринял всевозможные усилия для предотвращения дуэли, в январе послал Дантеса к барьеру? В дипломатических кругах стало известно, что в день дуэли, 27 января, Геккерн не один раз встречался с Нессельроде и показывал ему пушкинское письмо. Но не будет натяжкой предположение, что он имел разговор с Нессельроде уже 26 января, сразу после получения письма и до отправления вызова Пушкину (поэт послал свое письмо рано утром — а по некоторым сведениям даже еще 25 января, — между тем как вызов на дуэль был получен им после пяти вечера). Сам Геккерн официально заявил, что, прежде чем ответить Пушкину, он «советовался» с графом Г. Строгановым, который, мол, и побудил его принять решение, а Нессельроде он показал пушкинское письмо тогда, когда, так сказать, отступить уже было поздно.

Но скорее всего Геккерн нашел возможность познакомить Нессельроде с письмом еще 26 января, и, увидев в пушкинском письме обещание «...скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь», министр дал понять Геккерну, что дуэль необходима. Ибо «скандал» вполне мог обнаружить, кто истинный инициатор злодейской акции против Пушкина...